

А.П. Рожнов
кандидат юридических наук,
В.Г. Пономарев

«ОБЪЕКТИВНОЕ СОУЧАСТИЕ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И ЕГО ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

A.P. Rozhnov
Ph. D. in Law,
V.G. Ponomarev

«OBJECTIVE COMPLICITY» IN CRIMES AGAINST JUSTICE AND ITS LEGAL MEANING

The paper touches upon the issues of qualifying certain crimes against justice that impinge upon the complex legal relations in the sphere of criminal process and which involve law enforcement officials. In this connection the authors draw attention to the fact that, on the one hand, many violations in the sphere of criminal jurisdiction can only be regarded as consequences of actions of several officials who carry out the function of prosecution or adjudication while, on the other hand, the existing prohibitions in Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation do not take these circumstances into account. As a result the actions of some participants of the criminal law procedure resulting in considerable damage to the legally protected relations remain without adequate legislative criminalization.

Современное государство не может существовать без института суда и судебной власти. Особую роль судебная власть играет в тех государственно-организованных обществах, которые своей высшей ценностью провозглашают права и свободы человека и гражданина, ставят их «во главу угла» и именно сквозь призму основных неотчуждаемых прав и свобод человека определяют смысл функционирования своего государственно-правового механизма.

В самом общем виде правосудие можно определить как деятельность специально уполномоченных субъектов, состоящую в разрешении от имени государства неизбежно и систематически возникающих конкретных ситуаций преимущественно конфликтного характера «на основе установленных государством правил, подводящих конкретные обстоятельства под наиболее типичные возможности урегулирования поведения людей»¹.

¹ Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 89. См. также: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 14; Глебов В.Г. Правоохранительные органы Российской Федерации: учеб. пособие. Волгоград, 2002. С. 13.

Часть первая ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Федеральным конституционным законом»². Однако правосудие как особая форма государственного воздействия не может быть эффективным без помощи иных органов и лиц, составляющих элементы государственного механизма. Судебная ветвь власти объективно не является изолированной от законодательной и исполнительной власти, в принципе не может быть самодостаточной³, потому что объективно нуждается как в создании предпосылок для решения поставленных перед ней задач, так и в претворении в жизнь итогов своей де-

² Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. Федерального конституционного закона РФ от 15 декабря 2001 г. № 5-ФКЗ) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2001. № 51. Ст. 4825.

³ Как справедливо указывается в общетеоретических исследованиях, «диалектика организации и функционирования государственной власти в Российской Федерации заключается в единстве разделенных властей» (Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект / под ред. С.Ю. Наумова. Саратов, 2003. С. 10).

тельности, обеспечении обязательности судебных актов.

Понимание законодателем правосудия как родового объекта преступлений, наказуемых по нормам гл. 31 Особенной части действующего УК РФ, основывается на его широком значении, когда в понятие правосудия включаются все стадии уголовного процесса. Это видно хотя бы из того, что внушительное количество составов преступлений, предусмотренных статьями этой главы, посвящены либо охране уголовного процесса в досудебных его стадиях (в частности, ст. 299, 300, ч. 1 и 3 ст. 301, ст. 302 УК РФ и др.), либо охране «постсудебной» деятельности, обеспечивающей обязательность судебных актов (ст. 313–315 УК РФ).

Целевое назначение норм, аккумулярованных в гл. 31 «Преступления против правосудия» – это защита правосудия в его широком понимании как особой формы государственной деятельности, призванной разрешать возникающие в обществе конфликты, защищать от посягательств установленный правопорядок посредством создания и функционирования института судебной власти, а также *иных органов и лиц*, призванных обеспечивать успешность реализации задач, возложенных обществом и законом на суды и судей.

Столь многоаспектный характер такого родового объекта для норм гл. 31 УК РФ, как правосудие, предопределяет и определенные нюансы совершения соответствующей группы преступлений. Многие из преступлений, запрещенных гл. 31 УК РФ, в качестве своего видового (непосредственного) объекта посягательства имеют не простые (элементарные), а сложные (комплексные) «организационно-управленческие отношения, которые вне правовой формы в современном демократическом обществе существовать не могут и не должны»⁴. Эти отношения характеризуются многосторонней субъективной связью между их участниками, *взаимобусловленностью и взаимозависимостью* их действий и решений. Позитивное (нормальное) развитие этих отношений часто требует усилий не одного, а нескольких должностных лиц системы уголовного правосудия. Данный тезис удачно

иллюстрируется урегулированной нормами УПК РФ процедурой избрания заключения под стражу как меры пресечения в досудебных стадиях уголовного процесса.

Так, известно, что для избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения необходима соответствующим образом оформленная инициатива следователя или дознавателя, одобренная руководителем следственного органа или прокурором, а итоговое решение о заключении под стражу должно быть принято судьей. Иначе говоря, заключение под стражу обвиняемого (подозреваемого) возможно только в результате согласованных и поступательно развивающихся действий как минимум трех субъектов досудебной части уголовного процесса – следователя (дознавателя), руководителя следственного органа (либо прокурора при инициировании ареста дознавателем) и судьи. При этом само по себе одно только постановление следователя не является достаточным для заключения под стражу, равно как и соответствующее судебное решение в досудебном уголовном производстве не может состояться без предварительной просьбы об этом должностного лица стороны обвинения (следователя или дознавателя).

Поскольку какие-либо отношения в сфере правосудия могут нормально существовать и развиваться только благодаря деятельности не одного, а двух или более субъектов, то и общественно опасные посягательства на них также возможны исключительно усилиями не одного, а нескольких их непосредственных участников, *или «объективных соучастников»*. В этой связи в порядке авторской концепции все преступные посягательства против правосудия, запрещенные статьями из гл. 31 УК РФ, предлагается разделить на группы по признаку наличия-отсутствия так называемого «объективного соучастия»⁵, или, другими словами, по признаку наличия-отсутствия необходимости совместной деятель-

⁴ *Вопленко Н.Н.* Правовые отношения: учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 11.

⁵ В данном случае под «объективным соучастием» понимается не какая-либо особая разновидность соучастия в преступлении, определенного в ст. 32 УК РФ как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления», а скорее объективно обусловленная качеством охраняемого уголовным законом блага в сфере правосудия необходимость совместной деятельности двух и (или) более лиц для достижения преступного результата.

ности двух и (или) более субъектов для осуществления противоправных посягательств на видовые (непосредственные) объекты уголовно-правовой охраны в сфере правосудия.

Представляется, что такая классификация преступлений против правосудия имеет большое прикладное значение.

Используя признак «объективной совместности», можно выявить несовершенство отдельных норм гл. 31 УК РФ, увидеть, что некоторые общественно опасные посягательства несправедливо остались вне законодательной криминализации. Следовательно, изложенный подход к исследованию преступных посягательств в сфере правосудия и на правосудие позволит, как представляется, дать рекомендации для совершенствования существующих уголовно-правовых запретов гл. 31 УК РФ и, возможно, для конструирования новых уголовно-правовых норм.

При таком подходе за критерий деления всех преступлений в сфере правосудия надо избрать *возможность достижения преступной цели непосредственным исполнителем преступления* (как правило, чаще всего) *преимущественно только с помощью вовлечения в процесс совершения преступления иных лиц, которые также являются субъектами складывающихся в сфере отправления правосудия уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных и других правоотношений*.

Данный критерий позволяет сразу же обособить в рамках гл. 31 УК РФ **те преступные деяния, которые на практике в большинстве случаев совершаются совместно**. Связано это с тем, что законодатель субъектами этих преступлений альтернативно называет различных лиц, которые обладают статусом должностных, выполняют функции представителя власти. Между тем компетенция этих лиц в том виде, как она определена законом, несколько разнится, поэтому действия и решения одних из них только тогда становятся значимыми и приобретают качество юридического факта, когда получают одобрение со стороны других.

В эту группу, по нашему мнению, необходимо включить преступления, предусмотренные ст. 299 (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности), ст. 300 (незаконное освобождение от уголовной ответственности), ч. 2 и 3 ст. 301 (в части

заведомо незаконного заключения под стражу, а равно то же деяние, повлекшее тяжкие последствия), ст. 305 (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта) УК РФ.

Следует сразу оговориться, что, пожалуй, кроме состава преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 301 УК РФ (в части заведомо незаконного содержания под стражей), любой из названных составов может быть совершен и одним лицом. Объективная «совместность» при совершении анализируемых преступлений, разумеется, проявляется не всегда. Такая совместность диктуется не характером преступления в целом, а той или иной формой его объективной стороны.

Необходимо заметить, что законодатель только в самом общем виде в ст. 299, 300, ч. 2 и 3 ст. 301, ст. 305 УК РФ «обрисовал» уголовно-правовой запрет, а значит, и признаки охраняемого им видового (непосредственного) блага. Подобная абстрактность и некоторая широта охраны тех или иных отношений в сфере правосудия допускает и известную вариативность совершения названных преступлений, многозначность форм выполнения их объективной стороны. А от некоторых форм объективной стороны составов, предусмотренных ст. 299, 300, ч. 2 и 3 ст. 301, ст. 305 УК РФ, произведен и субъектный состав этих преступлений. Например, изложенный в ч. 1 ст. 305 УК запрет направлен на недопущение вынесения заведомо неправосудного судебного акта как при единоличном рассмотрении дела судом (судьей), так и при коллегиальном. Поскольку коллегиальность судебного рассмотрения дела в ряде случаев является обязательной (например, при рассмотрении дела судом кассационной или надзорной инстанции), то обязательным в этих случаях для постановления неправосудного судебного акта будет и «совместность усилий» судей. Такая совместность является объективной, поскольку она производна от обязательности коллегиальной формы рассмотрения того или иного дела на той или иной стадии развития процесса судопроизводства.

Освобождение от уголовной ответственности в том виде, в котором данный институт регламентирован действующим УПК РФ, реализуется посредством прекращения уголовного дела и прекращения уголовного преследования. В силу ч. 3 ст. 24 УПК РФ

прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации устанавливает около двадцати оснований для прекращения уголовного дела, которые принято делить на реабилитирующие и не-реабилитирующие. Мы проанализируем только те из них, которые возможны в стадии предварительного расследования, так как субъектами преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, в силу прямого указания закона могут быть только прокурор, следователь и лицо, производящее дознание. В свою очередь, цель преступления, наказуемого по ст. 300 УК РФ, – это освобождение от уголовной ответственности лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

По общему правилу ч. 1 ст. 213 УПК уголовное дело, расследуемое в форме предварительного следствия, прекращается по постановлению следователя, копия которого направляется прокурору. Аналогичные права УПК РФ предоставляет дознавателю. Однако из общего правила, определенного в ч. 1 ст. 213 УПК, имеется ряд исключений. Эти исключения касаются тех ситуаций, когда прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования приобретает значение самостоятельного юридического факта только при согласии руководителя следственного органа (при прекращении уголовного дела или уголовного преследования следователем) или прокурора (при прекращении уголовного дела дознавателем) с соответствующим процессуальным решением.

К случаям, когда следователь и дознаватель вправе прекратить уголовное дело только с согласия соответственно руководителя следственного органа или прокурора, относятся: прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК, ст. 76 УК); прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК, ст. 75 УК); прекращение уголовного дела в силу специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в примечаниях к некоторым статьям Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 28 УПК, примечание к ст. 126, примечание 1 к ст. 127¹, примечания к ст. 204, 205, 205¹, 206, 208, 210, 222, 223, примечание 1 к ст. 228 УК РФ и др.).

Таким образом, в случаях, когда вопрос об освобождении от уголовной ответственности инициируется следователем или лицом, производящим дознание, а положительное его решение в силу прямого указания закона зависит от руководителя следственного органа или надзирающего прокурора (ст. 25, 28 УПК РФ), состав преступления, предусмотренный ст. 300 УК РФ, объективно может быть выполнен только совместно.

В свете сказанного заслуживает внимания с точки зрения признака совместности совершения и состав преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, – привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. На первый взгляд какая-либо объективная совместность для успешного совершения данного преступления здесь исключается. Как указывает В.П. Малков в комментарии к ст. 299 УК РФ, «с объективной стороны состав рассматриваемого преступления выражается в вынесении прокурором, следователем или лицом, производящим дознание, мотивированного постановления о привлечении лица к уголовной ответственности в качестве обвиняемого и предъявлении ему сформулированного обвинения с разъяснением процессуальных прав и обязанностей обвиняемого»⁶. Если встать на позицию, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, выполняется только посредством привлечения заведомо невиновного лица в качестве обвиняемого, то получается, что данное преступление в большинстве случаев может быть выполнено одним субъектом. Однако существо проблемы о формах выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 299 УК РФ, гораздо сложнее. Вопрос о том, когда возможно как законное, так и незаконное привлечение к уголовной ответственности, тесно связан с вопросом о том, когда уголовная ответственность начинает реализовываться.

Если в качестве исходного тезиса принять существование в уголовном праве Российской Федерации принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление, а за отправной момент ее реализации взять привлечение в качестве обвиняемого,

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1996. С. 691.

то, во-первых, как тогда оправдать довольно серьезные правоограничения только подозреваемого в совершении преступления лица? А ведь и без предъявления обвинения в ряде случаев уголовно-процессуальный закон допускает применение мер процессуального принуждения к подозреваемому в совершении преступления лицу, включая даже его заключение под стражу? Наконец, как тогда соотносить законодательно установленную возможность отказа в возбуждении уголовного дела в отношении лица, которое достоверно совершило преступление, с принципом неотвратимости ответственности либо предоставляемую законом возможность прекратить уже начатое производством уголовное дело и уголовное преследование по нереабилитирующим основаниям в отношении лица, которому обвинение еще не предъявлено и которое может «проходить по делу» даже и в качестве свидетеля?

В свете сказанного трудно согласиться с мнением Н.Ф. Кузнецовой, которая считает, что «осуществление уголовно-процессуальных действий вплоть до вынесения обвинительного приговора ... к уголовной ответственности отношения не имеет. ... С момента совершения преступления возникает основание для уголовной ответственности, но таковая наступает только при установлении виновности лица»⁷. Подобная позиция, исходящая из чрезмерно узкой трактовки уголовной ответственности, сводящей ее, по сути, исключительно к назначению и реализации наказания по приговору суда, не основана на законе. Например, ч. 2 ст. 2 УК РФ устанавливает, что для выполнения задач охраны уголовно-правовыми средствами прав и свобод человека и граждан, собственности, общественного порядка и т. д. «Кодекс устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера (выделено нами. – А.Р., В.П.) за совершение преступлений». Поэтому представляется правильной позиция, согласно которой уголовная ответственность возникает и начинает реализовыв-

ваться задолго до предъявления обвинения и появления в уголовном деле процессуальной фигуры обвиняемого.

Л.В. Лобанова обращает внимание на тот факт, что ст. 299 УК РФ в ее действующей редакции и в том смысле, который придается ей сложившейся правоприменительной практикой, защищает невиновное лицо не от всех форм его заведомо незаконного уголовного преследования. Она же обращает внимание на то, что только предъявлением обвинения заведомо невиновному в совершении преступления лицу не исчерпываются все формы его незаконного уголовного преследования. Отсюда своевременным и обоснованным выглядит ее предложение о необходимости в рамках ст. 299 УК «предусмотреть ответственность за возбуждение уголовного дела в отношении заведомо невиновного лица, а равно за продолжение производства по делу в случаях, когда закон предписывает его прекращение по реабилитирующим основаниям»⁸.

Однако законодатель недостаточно расторопен как в вопросах принятия новых актуальных для общественной практики законов, так и в вопросах изменения уже действующих. Поэтому до внесения изменений в ст. 299 УК РФ достаточно будет изменить сложившуюся практику применения этой нормы путем дачи руководящих разъяснений, нацеливающих правоприменителя на понимание объективной стороны анализируемого состава не только в форме предъявления обвинения, но и в форме возбуждения уголовного дела, а равно продолжения уголовного преследования в отношении заведомо невиновного лица.

Поскольку с учетом изложенных нами соображений ст. 299 УК РФ при буквальном и системном истолковании охватывает собой и такую форму привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности, как возбуждение уголовного дела, то, стало быть, и в этом случае возможна объективная совместность совершения этого преступления. Связано это с тем, что в силу ч. 1 ст. 146 УПК РФ (в ее нынешней редакции, установленной Федеральным законом от

⁷ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов. М., 2002. С. 189.

⁸ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 70.

5 июня 2007 г. № 87-ФЗ) вопрос о возбуждении уголовного дела решается единолично следователем либо дознавателем, а копия соответствующего постановления лишь направляется прокурору. Вместе с тем, прокурор по получении копии постановления о возбуждении уголовного дела не позднее 24 часов с момента получения материалов вправе отменить это постановление, если найдет его незаконным или необоснованным (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). При подобной регламентации процедуры возбуждения уголовного дела возникает вопрос об ответственности надзирающего прокурора, который не отменил своевременно в установленный срок незаконное или необоснованное постановление о возбуждении уголовного дела (за пределами 24 часов от момента получения копии постановления прокурор утрачивает такое право), что повлекло за собой неправильное развитие процесса, производную от незаконности возбуждения дела незаконность применения комплекса мер процессуального принуждения, явную процессуальную «расточительность», дискредитацию авторитета правоохранительных органов и т. п.

Огромный интерес с точки зрения «объективного соучастия» представляет собой исследование субъектного состава и объективной стороны заведомо незаконного заключения под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ), а равно того же деяния, отягощенного тяжкими последствиями (ч. 3 ст. 301 УК РФ).

В первоначальной редакции состав данного преступления существует неизменно от момента принятия, введения в действие УК РФ 1996 г. Между тем, будучи направленным на охрану процессуальной формы осуществления правосудия и связанной с ним деятельности⁹, нормативный запрет ч. 2, 3 ст. 301 УК действует в течение трех различных периодов регламентации тех отношений, для охраны которых он создавался. Целевое назначение состава ч. 2, 3 ст. 301 УК в общем виде – это ограждение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления лица от незаконного применения к нему

такой меры процессуального принуждения, как заключение под стражу, недопущение произвольного лишения его свободы. Однако процедура регламентации заключения под стражу в досудебных стадиях уголовного процесса претерпела существенные изменения. Так, в период действия УПК РСФСР 1960 г. заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось на основании постановления следователя или лица, производящего дознание, санкционируемого во всех случаях прокурором (ст. 89, 96 УПК РСФСР). Поэтому в период действия УПК РСФСР при анализе субъектного состава лиц, могущих совершить предусмотренное ч. 2, 3 ст. 301 УК РФ преступление, указывалось, что «субъектом данного состава преступления могут быть только должностные лица органов дознания, компетентные производить задержание, а также следователь либо прокурор»¹⁰. Однако с 1 июля 2002 г. был введен в действие УПК РФ, принятый в 2001 г., который учел требования п. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению».

Таким образом, до внесения изменений и дополнений в действующий УПК РФ Федеральным законом № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. в досудебных стадиях уголовного процесса следователь и дознаватель с согласия прокурора лишь возбуждали перед судом ходатайство о необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (ч. 3 ст. 108 УПК РФ), а далее данное ходатайство рассматривалось единолично судьей районного или военного суда соответствующего уровня (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). В настоящее время с принятием Федерального закона № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. согласие на возбуждение ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения, включая и продление содержания под стражей, согласовывается либо с руководителем следственного органа при вынесении соответствующего постановления следователем, либо с прокурором при вынесении соответствующего постановления дознавателем.

⁹ Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. С. 108; Она же. Преступления против правосудия: общая характеристика и классификация: учеб. пособие. Волгоград, 2004. С. 35.

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. С. 695.

Следовательно, в настоящее время заключение под стражу – это растянутый во времени процесс, результат которого зависит от действий и деятельности как минимум трех властных субъектов уголовного правосудия: следователя (дознателя), руководителя следственного органа, прокурора и суда (судьи).

С точки зрения «объективного соучастия» самого пристального внимания заслуживает состав преступления, предусмотренный ст. 305 УК РФ: «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта». Данная совместность заложена в самой законодательной регламентации судоустройства. Так, согласно ч. 1 ст. 10 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судоустройстве РСФСР» (с изменениями от 29 мая, 3 июля 1992 г., 16 июля 1993 г., 28 ноября 1994 г., 4 января 1999 г., 2 января 2000 г., 25 июля 2002 г.) «рассмотрение гражданских и уголовных дел в судах осуществляется коллегиально и единолично; в суде первой инстанции – с участием присяжных заседателей, народных заседателей либо коллегией из трех профессиональных судей или единолично судьей». При этом в силу ч. 2, 3 ст. 10 того же Закона РСФСР рассмотрение дел в судебных коллегиях соответствующих судов в кассационном и надзорном порядке осуществляется в составе трех судей; президиум суда рассматривает дела при наличии большинства членов президиума. Не исключена возможность коллегиального рассмотрения определенных категорий дел и судом первой инстанции.

Так, в силу ч. 2 ст. 17 АПК РФ в первой инстанции арбитражного суда коллегиальным составом судей рассматриваются дела, относящиеся к подсудности Высшего Арбитражного Суда РФ; дела об оспаривании нормативных правовых актов; дела о несостоятельности (банкротстве); дела, направленные в арбитражный суд первой инстанции с указанием на коллегиальное рассмотрение. Возможно коллегиальное рассмотрение арбитражным судом первой инстанции в составе судьи и двух арбитражных заседателей экономических споров и иных дел, возникающих из гражданских и иных правоотношений, при наличии об этом просьбы какой-либо из сторон спора (за исключением дел, предусмотренных ч. 2 ст. 17 АПК РФ, а также дел, возникающих из административ-

ных и иных публичных правоотношений и дел особого производства). Как указано в ч. 1 ст. 7 ГПК РФ, гражданские дела в судах общей юрисдикции первой инстанции рассматриваются судьями этих судов по общему правилу единолично, но в предусмотренных федеральным законом случаях – коллегиально. Согласно п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях могут рассматриваться судом первой инстанции в составе коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания в соответствии со ст. 231 УПК.

Авторы не разделяют мнение тех ученых (а их, к сожалению, большинство), занимающихся проблематикой преступлений против правосудия, которые полагают, что и заведомо незаконный вердикт присяжных заседателей представляет собой судебный акт, почему и присяжные заседатели при рассмотрении уголовных дел об особо тяжких преступлениях являются адресатами сформулированного в ст. 305 УК РФ запрета¹¹. В этой связи с точки зрения «объективного соучастия» не рассматриваются деяния присяжных заседателей, состоящие в вынесении заведомо незаконного вердикта о виновности или невиновности лица в совершении особо тяжкого преступления.

Итак, объективно совместно заведомо неправосудный судебный акт может быть вынесен только в тех стадиях уголовного, гражданского, административного, арбитражного процесса, где в силу федерального законодательства о судоустройстве и судопроизводстве отправление правосудия возможно исключительно коллегиально. Таковыми стадиями всегда является рассмотрение дела судом кассационной и надзорной инстанции. В арбитражном процессе, кроме того, коллегиально рассматриваются дела и в апелляционном порядке. Всегда совместно коллегией судей разрешаются дела Конституционным Судом РФ. В случаях, прямо ука-

¹¹ См., например: *Голодюк М.Н.* Преступления против правосудия // Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5: учебник для вузов / под ред. *Г.И. Борзенкова и В.С. Комиссарова*. М., 2002. С. 197; *Горелик А.С.* Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК) // *Горелик А.С., Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 237.

занных в законе, коллегиально разрешаются и отдельные категории уголовных, гражданских и арбитражных дел судом первой инстанции.

Совместное совершение проанализированной нами группы преступлений из гл. 31 Особенной части УК РФ предполагает постановку вопроса о квалификации действий лиц, совершающих данные преступления. Решение этого вопроса является довольно проблематичным, но крайне актуальным, потому что правильная квалификация преступления – это залог также правильного решения целого комплекса уголовно-правовых вопросов, и прежде всего вопроса о назначении справедливого наказания, адекватного совершенному преступлению, или о применении иных мер воздействия. Как указывает В.Н. Кудрявцев, «поскольку уголовный закон устанавливает те меры воздействия, которые наиболее эффективны в борьбе с соответствующей категорией преступлений, то ошибка в квалификации может ослабить эффективность этой борьбы»¹².

В свою очередь, ответ на поставленный вопрос (о квалификации совершенных в соучастии преступлений, предусмотренных ст. 299, 300, ч. 2 или 3 ст. 301, ст. 305) предполагает поиск ответов на ряд других, «частных» вопросов, не разрешенных в теории и практике применения уголовного закона судбно-следственными органами. Например, к какому *виду* соучастия отнести совместное выполнение заранее договорившимися различными должностными лицами системы уголовного правосудия объективной стороны составов рассматриваемых преступлений – соисполнительству или соучастию с распределением ролей? Наконец, к какой *форме* соучастия отнести наиболее типовые ситуации совместного умышленного совершения таких преступлений несколькими лицами – к элементарному или групповому соучастию? Если же признать, что такого рода соучастие все же групповое, то какая тогда преступная группа перед нами – без предварительного сговора или с предварительным сговором? Если признать типичной при сов-

местном умышленном совершении преступлений ст. 299, 300, ч. 2 или 3 ст. 301, ст. 305 такую «подформу» соучастия, как преступную группу с предварительным сговором, то тогда какая эта группа – заранее договорившихся лиц, организованная, преступное сообщество? Не стоит забывать, что ответы на эти вопросы невозможны и без разрешения вопроса о субъекте рассматриваемой группы преступлений.

Безусловно, что субъект преступлений, предусмотренных ст. 299, 300, ч. 2 или 3 ст. 301, ст. 305, является специальным. Но является ли этот субъект «мономорфным»? Или, другими словами, относятся ли к субъектам рассматриваемой группы преступлений различные должностные лица уголовного правосудия, которые выполняют в досудебных стадиях уголовного процесса различные функции – обвинения, правосудия, надзора? Однозначно ответить на этот вопрос возможно только применительно к ст. 305 УК РФ, из диспозиции которой недвусмысленно следует, что субъектом данного преступления являются лица, постоянно, на профессиональной основе (судьи), или ситуативно-эпизодически, в предусмотренных законом случаях (арбитражные заседатели), выполняющие от имени государства функцию правосудия.

Не представляет особых сложностей в квалификации и та ситуация, когда, например, судьи, принимающие участие в вынесении заведомо неправосудного судебного акта при коллегиальном рассмотрении дела, либо прокурор, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель и судья при заведомо незаконном избрании ареста (заключения под стражу) как меры пресечения в досудебных стадиях уголовного процесса и т. д. заранее совместно договариваются о совершении соответствующего преступного деяния. Думается, их действия должны квалифицироваться как совершение преступления заранее договорившейся группой лиц, т. е. по ст. 299, 300, ч. 2 или 3 ст. 301, ст. 305 УК РФ.

В иных случаях напрашивается ответ о «полиморфности» специального субъекта рассматриваемой группы преступлений. Однако данное мнение не является ни общепринятым, ни в принципе озвученным в отечественной теории уголовного права. В

¹² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 21; см. также: Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 24.

частности, А.С. Горелик, анализируя состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 301 УК РФ, полагает, что специальным субъектом данного преступления может быть только судья, так как в силу ст. 22 Конституции РФ заключение под стражу возможно не иначе как по судебному решению¹³. Следовательно, все иные лица, участвующие в процедуре избрания ареста как меры пресечения, не могут быть ни исполнителями, ни соисполнителями данного преступления, почему А.С. Гореликом предлагается «считать такие действия разновидностью должностного преступления»¹⁴. Сходную точку зрения высказывает и Н.Р. Емеева, указывая, однако, что следователь (применительно к ч. 2 и 3 ст. 301 УК РФ) выступает в роли пособника в совершении преступления¹⁵.

И, действительно, если согласиться с авторами в том, что субъект названных преступлений, хотя и специальный, но представлен только одной разновидностью должностных лиц уголовного правосудия, то позиция, по крайней мере Н.Р. Емеевой, отчасти базируется на положениях гл. 7 Общей части УК РФ, регламентирующих институт соучастия. В частности, в силу ч. 4 ст. 34 УК РФ лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Однако едва ли справедливо исключать иных лиц системы уголовного судопроизводства из круга специальных субъектов рассматриваемой группы преступлений. Как указывалось выше, особенность описанной

группы преступлений (кроме ст. 305 УК РФ) состоит в том, что каждое лицо может совершить в силу определенной законом уголовно-процессуальной специализации их компетенции только свой объем действий. Причем действия каждого лица (следователя, прокурора, судьи) сами по себе не являются достаточными для достижения преступного результата и только во взаимодействии друг с другом (умышленном либо неумышленном) они могут нарушить нормальный уклад того или иного вида отношений в сфере правосудия, прав и законных интересов втянутых в орбиту уголовного правосудия лиц.

Схематически это можно представить так: $(S_1 \rightarrow A) + (S_2 \rightarrow B) + (S_3 \rightarrow C) = \text{Пр.}$, где S_1 , S_2 и S_3 – это субъекты преступления или, по нашей терминологии, «объективные соучастники». Соответственно А, В и С – это части (объемы, сегменты) объективной стороны, только при совместном выполнении которых преступление (Пр.) можно считать окончательным и совершенным. Причем S_1 может выполнить только часть объективной стороны А, S_2 соответственно – В, а S_3 – только С. Возможность выполнения S_1 части объективной стороны В, а S_2 – сегмента А объективной стороны и т. п. исключается.

Думается, только исходя из данной методологической посылки можно разрабатывать те или иные варианты квалификации совершаемых более чем одним лицом деяний, запрещенных ст. 299, 300, ч. 2 или 3 ст. 301, ст. 305 УК РФ. Но в любом случае при умышленном совершении данных преступлений должностными лицами правоохранительных органов, так или иначе задействованных в решении различных вопросов в досудебных стадиях уголовного правосудия (избрания меры пресечения, освобождения от уголовной ответственности), их действия должны получать оценку с учетом того, что они не просто содействовали, а непосредственно совершали то или иное преступление.

¹³ Горелик А.С. Указ. соч. С. 352–353.

¹⁴ Там же. С. 353. Представляется, что абсолютно прав А.В. Синельников, обративший внимание на принципиальную невозможность квалификации таких ситуаций по нормам, предусматривающим ответственность за должностные преступления (ст. 285, 286, 293 УК) (см.: Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 9).

¹⁵ См.: Емеева Н.Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 11.